
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Современная греческая проза. Антология. Сост. и послесл. И. Кафаоглы;
пер. с греч. К. Климовой, А. Ковалевой. — СПб.: Алетейя, 2021. — 226 с.:
ил. — (Библиотека новогреческой литературы).**

В антологию новогреческого рассказа вошли произведения малых литературных форм (рассказы и новеллы) четырнадцати авторов, удостоившихся Государственной литературной премии Греции в период с 2010-го по 2018 год. Творчество каждого писателя представлено одним рассказом. Наряду с голосами маститых мастеров пера звучат голоса молодых прозаиков. Собранные в антологии тексты тесно переплетены с политическими, экономическими и социальными проблемами современной Греции и мира в целом. Они дают представление о том, как современная греческая литература подходит к проблемам нашей эпохи, когда мир меняется с безудержной скоростью, как мастера слова относятся к соблазнам и вызовам сегодняшнего дня, какими видят страдания, страсти, надежды современного человека. Малая форма предоставляет широкие возможности для отражения повседневной жизни в эпоху перемен: жизнь как выживание, страхи, грубая физическая сила, которая то и дело проявляется, наличие социально изолированных групп — иммигрантов, социальная апатия, мечты, получившие обманчивое воплощение, — картины реалистические и фантазии. Жестоким предстает мир в произведениях греческих писателей. Обитатели небольшого поселения из ста семей живут в атмосфере страха и безнадежности: воры, банды пакистанцев, наркотики в школе. Соседи, люди пожилые, обсуждают текущую жизнь и прошлое, рассуждают о пенсиях и безработице, о демократии и коммунистах, о политике. А еще следят за судьбой юноши Мао, чью красавицу сестру изнасиловали. Девушку отослали к родственникам, а Мао поклялся отомстить и копит деньги, чтобы купить ружье. И не спит ночами, опасаясь бандитов. К нему на лестницу многоквартирного дома ночами сбегаются все кошки и собаки с окрестностей, он кормит их и разговаривает с ними. И верят соседи, что пока есть Мао, можно спокойно спать по ночам. Но однажды Мао исчезает, его любимая кошка зверски убита. (Х. Иконому. «Мао»). Трагически заканчивается кровавая схватка фанатов двух футбольных клубов после матча. Погиб один из участников схватки, открывается его тайна: это был албанец, скрывавший свою национальность. Рассказ Х. Кифреотиса «Меловая пыль» ведется от лица молодого футбольного фаната на сленге, а поднимаются в нем вопросы адаптации албанских пришельцев в Греции. В рассказе М. Куюмджи «Болото» больной старик из деревни на болотах рассказывает посетившему его доктору о том, как на его семью напали четверо братьев: погибла дочь, тяжелораненая жена потеряла речь, сын — рассудок, а он убил насильников и бросил их в болото. Почти в половине рассказов книги поднимается тема насилия. В спокойном городке среди бела дня маленькую девочку насилует ряженный «Микки-Маус» (У. Фосколу. «Красный кадмий»). Юную девушку насилует отвергнутый ею жених (Й. Кириакопулос. «Виктория»). И даже «ретрорассказ» Е. Хронопулу «Каждое утро» о Греции времен оккупации фашистской Германией в какой-то мере затрагивает эту тему. В автобусе на глазах молодой женщины немец швырнул ее мужа на пол и надавил ему ногой на шею, через некоторое время от поверженного по всему салону стала распространяться характерная вонь. Посреди ночи любящий муж, каждое утро подававший жене в постель чашечку кофе, ушел из дома и больше не вернулся. И у каждого была своя жизнь, свои дети. Страшноват и сатирический

рассказ Я. Эвстафиадиса «Сардина будет плавать в консервной банке». Успешный предприниматель, занимающийся производством готовых продуктов питания, экспортируемых во множество стран Балканского региона и Среднего Востока, коллекционер произведений искусства, меломан и театрал, знающий в совершенстве несколько иностранных языков, вдохновлен идеей: продавать в консервной банке живых сардинок. Он решает технические проблемы, организует рекламу новому товару, ставит его производство и продажу на поток. И видит страшный сон: гуляя по ночному лесу, он выходит к странному дому из взбитых сливок и бисквита. Отломив кусочек от шоколадной крыши, слышит детский голос, предупреждавший, что есть шоколад нельзя: «в нем искусственная мука, красители, сорбиновая кислота и бензоат натрия...», далее идут две строки перечислений жутких ингредиентов. Он видит в гробу Белоснежку, откусившую от генетически модифицированного и накачанного удобрениями яблока; мертвых, наполненных диоксинами семерых козлят; нетронутую корзинку Красной Шапочки, над которой вспыхивает красный огонек, предупреждающий о содержимом: «сыр с корочкой антибиотиков, рыба с кадмием и ртутью, морепродукты с токсинами, мясо теленка, переболевшего ящуром». И еще много других сказочных персонажей, павших жертвой современных продуктов питания. У этого актуального и сегодня рассказа неожиданный финал. Еще одна тема, явственно звучащая в рассказах греческих авторов: обращение к внутреннему миру человека, к страстям человеческим, к психическим состояниям. Это и меланхолические переживания, и прогулки по родным местам, и любовные, порой бурные истории. Размышляя о времени, об убитых мгновениях и недоделанных делах, о неизбежности ухода из жизни, дама-археолог, празднующая шумное новоселье в любовно возведенном доме, примиряется с Хроносом. «Он же — друг, друг этот Хронос-Морос, тебе нечего бояться, пока слеза орошает щеку» (П. Кусифанас. «Новоселье»). Романтически настроенный муж, желая возродить былую страсть жены, доводит ее до истерии, подкидывая в свои карманы любовные записки от женщин, которые пишет сам (Э. Сотиропулу. «Даже в раю кто-то блефует»). Шестидесятилетний мужчина, брошенный юной возлюбленной, повесил собаку, которую она ему подарила (А. Мицу. «Дешево отделался»). Запертый в мертвое тело дух наблюдает за метаморфозами своего тела (В. Георгиу. «Шестой день»). И только два очень добрых рассказа, звучащие диссонансом общему настрою в рассказах. Это рассказ Я. Палаваса «Мария», в котором работник свинофермы спасает жизнь маленькому поросенку, и рассказ К. Маврудиса «Бессмертие собак» — старый «библиозавр» во время летнего отдыха на острове в Эгейском море пересказывает маленькому мальчику содержание классических романов. В разнообразных по сюжету и творческому методу произведениях, как в осколках зеркала, отражается многомерный облик новейшей литературы Греции, о которой так мало известно российскому читателю.

Антон Меснянко. Отдыхай, как Пушкин. Невероятные приключения русских писателей в Крыму. Севастополь: Альбатрос, 2021. — 364 с.: ил.

Антон Меснянко, уроженец Севастополя, журналист и писатель, известные и малоизвестные факты о жизни русских литераторов в Крыму превратил в увлекательные рассказы. На страницах книги встречаются только отечественные мастера слова, и только те, что уже ушли в вечность. У ныне живущих, считает автор, история с Крымом продолжается. Всего тридцать пять героев очерков об известных и забытых писателях, поэтах, драматургах. Кто-то приезжал отдохнуть и поправить здоровье, кто-то — по деловым вопросам, а кто-то жил на полуострове постоянно. Сюда влекли солнце, море, горы, виноград, целебный воздух, седая старина — перекресток народов и культур.

Благодаря счастливой случайности попал в полуденный край молодой Пушкин и воспел его. Вслед за поэтом в Крым влюбилась вся Россия, а фонтан Бахчисарайского дворца прославился на весь мир. «Один молодой артиллерийский подпоручик рванул на полуостров, чтоб повоевать. Другой, хмурый и долговязый тип, потащился на юг, чтобы убедить моряков-черноморцев поднять на штыки офицеров, царя-батюшку и самого Господа Бога. Третьего, аристократичного юношу-энтомолога, загнали в Тавриду те самые морячки со штыками. Все трое были литературно одарены, и Крым отпечатался не только в их сердцах, но и на страницах их произведений». Молодой артиллерист, воевавший на севастопольских бастионах во время Крымской войны, пережил в Крыму первое творческое озарение. Лев Толстой, автор цикла рассказов о защитниках города, еще дважды приезжал в Крым на отдых и лечение (1885 и 1901–1902). Хмурый тип, давно разочаровавшийся в революционной деятельности, приехал в Крым в 1923 году. И создал прекрасную страну Гринландия: пространство произведений А. Грина до мельчайших подробностей копирует Крым, хотя действие происходит не в Тавриде. Счастливо избежал большевистской тюрьмы юный Набоков: когда он ловил бабочек в Мисхоре, его приняли за шпиона, подающего белым сачком знаки врагу. В Крыму начинали свой жизненный путь Аверченко и Волошин. Юная Анна Горенко, будущая Ахматова, называвшая себя «последней херсонидкой», с семи до шестнадцати лет каждое лето проводила в Севастополе и окрестностях. В Крыму делал ей предложение Н. Гумилев. В начале XX века в Тавриде возникли культурные центры притяжения, ставшие местом встреч. С 1898 года в деревне Аутка, примыкавшей к Ялте, приобрел участок Чехов и превратил безжизненный кусок земли в цветущий сад. Он мучительно переносил жару крымского лета, замерзал зимой на пронизываемой сквозняками даче, но вынужден был оставаться в Крыму: южный берег идеально подходил для туберкулезных больных. Утомленному жарой и посетителями Чехову не раз шутками поднимали настроение Бунин и Куприн: их чувство юмора совпадало с чеховским. Благодаря Чехову в Ялте стал драматургом М. Горький, поощряемый руководителями МХТ К. Станиславским и Немировичем-Данченко, привезшими в Крым постановки чеховских пьес. На четверть века (1907–1932) главным местом притяжения творческой интеллигенции стал дом на берегу моря в Коктебеле. За сезон в доме М. Волошина бывало 300–400 человек. Здесь А. Н. Толстой подсмотрел в доме Волошина идею для сказки о Буратино, а юная Марина Цветаева познакомилась со своим будущим мужем С. Эфроном, его подарок, сердоликовую бусинку, найденную на пляже Коктебеля, она хранила до самой смерти. М. Волошин, поэт и художник, насельник киммерийской земли, похоронен в Коктебеле на горе Кучук-Енишар. Из Крыма, навсегда оставив Россию, уезжали в эмиграцию В. Набоков и А. Аверченко. В Крыму без суда и следствия по приговору крымской ЧК в числе тысяч других офицеров весной 1922 года был расстрелян сын И. Шмелева. Все перипетии русской истории XX века пережил в Крыму С. Сергеев-Ценский: в 1905 году он приобрел неказистый домик в захолустной Алуште и на протяжении пятидесяти лет там вел приусадебное хозяйство, писал книги. Гостями и насельниками Крыма до и после революции были М. Горький и В. Вересаев, О. Мандельштам и В. Маяковский. В 1920–1930-х годах Крым посещали М. Булгаков и К. Чуковский. Постоянным гостем полуострова являлся К. Паустовский. В 1960–1970-х годах XX века культурная жизнь полуострова обрела «второе дыхание»: здесь работал и отдыхал В. Шукшин, снимался в кино и давал концерты В. Высоцкий, написал свои лучшие произведения Ю. Семенов. Здесь бывали А. Солженицын, И. Бродский, В. Аксенов, А. Вознесенский. Любая поездка в Тавриду становилась для писателей увлекательным приключением, полным неожиданных сюжетных поворотов, которые и фиксирует А. Меснянко. Для кого-то посещение Крыма оборачивалось трагедией: здесь (1822–1823) обострилось наследственное психическое заболева-

ние К. Батюшкова, что в конечном счете привело его к сумасшествию; в 1933 году в кокетельском Доме творчества случилось кровоизлияние в мозг у А. Белого, от последствий которого он скончался спустя несколько месяцев. А вот А. Беляев, прожив в Ялте семь лет (1916—1923), пять из которых был прикован к постели из-за тяжелой болезни, в больнице начал писать стихи и очерки и после выздоровления работал в крымском уголовном розыске. У каждого писателя и поэта своя история отношений с Крымом. Трагедией закончилась журналистская командировка Е. Петрова в июне 1942 года в Севастополь: разбился самолет, в котором Е. Петров летел из Краснодара в Москву. А весной 1944 года в ходе боев за Севастополь получил ранение Э. Асадов, в результате чего он потерял зрение, ему был 21 год. Объемы у очерков разные, а форма одна. Сначала краткая справка о времени и цели пребывания писателя в Крыму, далее очерк, «история отношений» с Крымом, день сегодняшний — музей, места памяти, достопримечательности. В конце каждой главы блоки: список написанных о Крыме произведений героя очерка; советы, что и как нужно сделать в Крыму по примеру этого героя; и советы «не повторяй его ошибок». Например, следует защищать Севастополь от неприятеля и сохранять присутствие духа в самых экстремальных ситуациях, как Лев Толстой, или, как Пушкин, провести в Гурзуфе счастливейшие дни своей жизни и прожить свою жизнь так, чтобы твоим именем назвали грот, скалу, платан и кипарис. А вот ошибки, которых повторять не следует: не отречься от того, во что веришь; не забывать, что рукописи не горят; не дразнить людей в форме; не перегреваться на южном солнце и носить головной убор. И уж конечно, не разгуливать в ночной рубашке и надевать брюки в обществе дам.

Лев Лосев. Солженицын и Бродский как соседи.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. — 608 с.

«Читателя может удивить жанровая пестрота этой книги. Здесь аналитические статьи о поэтике (Ахматовой, Цветаевой, Бродского), есть заметки о более или менее случайных открытиях (в „Слове о полку Игореве“, у Достоевского, у Ахматовой), есть литературные эссе и личные воспоминания о писателях. Даже лирические стихи с литературными сюжетами. Я позволил себе свести их под одной обложкой, поскольку для меня между этими текстами нет принципиальной разницы. Все они написаны с одной целью — объяснить самому себе то, что меня волнует, интригует или озадачивает в книгах, которые я читал», — пишет в предисловии к книге, ставшей у него последней, поэт, драматург, эссеист Лев Лосев (1937—2009). Собранные в книге разнообразные по жанру тексты — результат многолетней работы автора. Уже по рождению (отец — поэт, литератор, мать — детская писательница) ему была уготована судьба литератора. В ЛГУ он помимо официальных филологических курсов «прошел» и неформальную «филологическую школу», одним из организаторов которой был сам. Ее участники (сам Лосев, В. Уфлянд, М. Еремин, Л. Виноградов, С. Кулле) интересовались русским авангардом и европейским модернизмом, считали себя продолжателями русского футуризма и резко дистанцировались от политики. Он дружил с И. Бродским и впоследствии стал автором его первой биографии. В 1976 году Л. Лосев эмигрировал в Соединенные Штаты, где на протяжении двух десятилетий преподавал русскую литературу в Мичиганском университете, а затем в Дартмутском колледже в США. Центральными фигурами в его последней книге стали Бродский и Солженицын, поэт и писатель, люди разных взглядов, позиций, устремлений. Оба жили в Америке в одно и то же время, в полутора часах езды друг от друга, внимательно, если не ревниво читали один другого, состояли в краткой переписке, но, прожив полтора десятилетия в со-

седстве, как Толстой и Фет, Бродский и Солженицын так никогда и не встретились. А вот Лосев на страницах своей книге устраивает «очную» их встречу: отношения соседей к творчеству друг друга проявляются. Каждому из «собеседников» посвящен отдельный цикл статей, последнее десятилетие своей жизни Лосев отдал памяти своего друга. В этой книге много неожиданных «встреч» и сопоставлений, литературный ландшафт представлен в широком формате. Так, Лосев обнаруживает сюжеты Чехова в лирике Бродского, в одной статье объединяет западника Бродского и славянофила Н. Рубцова. Он объясняет, почему Ахматова так не любила Чехова и что связывало Ахматову и Достоевского. (Ахматова и Достоевский — постоянные герои лосевской эссеистики в сборнике). Обнаруживая в каждом персонаже «Поэмы без героя» несколько прототипов, он расценивает криптографическое письмо Ахматовой «как ее способ спасти Петербург от смерти и забвения». Пишет об уроках Ахматовой, усвоенных Бродским, о ее отношениях с поэтической молодежью: Н. Горбаневской, Д. Бобышевым, М. Мейлахом, А. Найманом. И об особом отношении к И. Бродскому — и как к человеку, и как к поэту. На «руинах игрушечного городка» сводит вместе Пушкина, Анненского, Ахматову, Гумилева, выделяя в их царскосельских мотивах специфический — мотив разрушения артефактов культуры, материальной гибели цивилизации. Исследует, почему и как два сходных по темпераменту и литературному направлению писателя Е. Шварц и М. Булгаков оказались в новейшей культурной истории России в противоположных культурных общинах. Особый, широкоформатный взгляд литератора позволяет связать два умышленных города, Петербург и Вашингтон, что возникли в XVIII веке и оба на топком болоте. Профессионально, тонко, вдумчиво Л. Лосев разбирает стихи Ахматовой, Цветаевой, Маяковского, Рейна. В Мойдодыре обнаруживает Маяковского: в поэте с синдромом повышенной чистоплотности в жизни К. Чуковский распознал и пародийно зафиксировал в своем Мойдодыре и страсти в стихах к тропам и фигурам гигиенического содержания. Отдельная статья посвящена М. Красильникову, другу Лосева, пьянице и дебоширу, «неофутуристу» и будетлянцу, по политической статье отсидевшему четыре года в ГУЛАГе. Литературные штудии органично перетекают в мемуарные очерки, в воспоминания Лосева о личных встречах с героями литературоведческих разборов — С. Довлатовым, Е. Рейном, Ю. Алешковским. Так, филологический портрет Б. Пастернака дополняют воспоминания о незваном визите в тридцатиградусный мороз молодых людей в Переделкино к Пастернаку в 1956 году. Л. Лосев приводит запись разговора с поэтом, сделанную по свежим впечатлениям, и свои комментарии с позиций уже зрелого человека. А «американские прогулки» с Джимом Райсом, автором монографии о безумии и психиатрии в жизни Достоевского, естественно перетекает в беседу о литературе. И всегда образуется живой, изящный, легкий для восприятия текст. Эссе, статьи, воспоминания, очерки перемежаются стихами — тонкими, меткими, ироничными, чаще печальными, посвященными поэтам, писателям, литературе.

Леонид Спивак. Когда Америки не было. СПб.: Алетейя, 2021. — 208 с.: ил.

Конечно, Америка была всегда. Об огромном континенте, лежащем к западу от Европы и к востоку от Азии, знали и финикийцы, и китайцы, норвежские и исландские мореплаватели. Леонид Спивак, некогда житель Петербурга, а ныне Бостона, практикующий врач и историк-любитель, рассказывает о том, как европейцы осваивали континент по другую сторону Атлантики и как уже государственные мужи делили колонизированные земли. Эта история полна мифов, загадок, неожиданных связей. Например, почему новые земли названы не в честь почитаемого как их первооткры-

вателя Колумба, а носят имя торговца солониной из Севильи? Только потому, что в отчетах Америго Веспуччи упомянуты на латыни земли, которые он нарек *Mundus Novus* (Новым миром)? Надменные иберийские гранды длительное время не желали именовать новый материк Америкой. Общепринятым названием оставалось Западная Индия. Даже в 1627 году, то есть через 135 лет после открытия Колумба, чиновники мадридского двора требовали запретить пользование «любой картой, на которой начертано имя Америка». География повествования: два самых известных города Новой Англии — Бостон и Плимут, Новые Нидерланды на Манхэттене, форпост Франции в Северной Америке город Квебек, огромная Луизиана и долина Миссисипи, Новый Орлеан. Л. Спивак рассказывает о трудной повседневной жизни поселенцев, о законах, по которым поселенцы жили, и вскользь — об отношениях пришлых с коренными жителями. Первые страницы истории европейцев в Новом мире были написаны при участии бесстрашных авантюристов всех мастей. И в книге красочно представлены убогомрачительные биографии отцов-пилигримов, путешественников, воинов, искателей приключений. Достойным представителем эпохи колонизаторов был сын Альбиона Джон Смит. Покинув дом в шестнадцать лет, он воевал против испанцев в Нидерландах, против Гизов — во Франции, против турок — в Венгрии. В 1602 году в одном из боев был захвачен янычарами в плен и продан в рабство в далекие степи Причерноморья. В Азове сумел сбежать, убив при этом своего хозяина, и нашел убежище в донской крепости. Затем через Московию и Валахию возвратился на родину. В то время различные коммерческие акционерные компании (первой из них в 1553 году стала Московская торговая компания) активно осваивали для Британии новые рынки. Джон Смит вошел в состав экспедиции, основавшей в 1607 году форт Джеймстаун, первое постоянное английское поселение в Новом Свете. Со временем он стал признанным лидером молодой английской колонии и многое сделал для того, чтобы Бостон и Плимут появились на карте мира. Первым из американских «отцов-пилигримов» считается Уильям Брюстер. Его карьера, удачно начатая при дворе Елизаветы I, рухнула после того, как Елизавета возложила всю ответственность за смерть шотландской королевы на своих придворных, якобы «самовольно» утвердивших смертный приговор Марии Стюарт. Позднее Брюстер, скромный почтмейстер из деревушки Скруби, и его религиозные единомышленники были признаны «врагами королевства» и бежали в Америку. 6 сентября 1620 года двухмачтовый парусник «Мейфлауэр» («Майский цветок») вышел из английской гавани и взял курс на Америку. С его плавания началась активная и целенаправленная британская колонизация Северной Америки. Еще на корабле было составлено самое известное в американской истории соглашение «Мейфлауэрский договор» об организации гражданского общества на основе справедливости и равенства. Среди героев книги и Сэмюэль де Шамплэнь, географ и путешественник, «отец Новой Франции». Начиная с 1602 года, в течение тридцати лет отважный француз исследовал и наносил на карту восточное побережье Северной Америки и ее внутренние районы, а в 1608 году заложил в ста тридцати лье от устья реки Святого Лаврентия форт, дав ему название Квебек. Путь первопроходцев всегда был опасен. Например, Джованни да Верраццано, флорентинец на службе французской короны, открывший в 1524 году для европейцев Манхэттен, был убит и съеден аборигенами одного из Карибских островов. Шотландец Генри Хадсон (в русской традиции — Гудзон), под руководством которого экспедиция Вест-Индской компании в 1609 году составила карту залива и реки, получившей его имя, погиб два года спустя: он и его сын были высажены без еды и питья в лодку посреди океана взбунтовавшимся экипажем. Л. Спивак прослеживает, как события в Европе отражались на бытовании заморских колоний. Как «великая смута» в Британии, искоренение кальвинизма, затеянное Карлом I, вы-

звало массовое бегство в Америку и, как следствие, рост колоний. Отражением британской междоусобицы (казнь короля, гражданская война) стала вражда между пуританской Новой Англией и англиканской Вирджинией. Под влиянием европейских событий перекраивалась еще неустойчивая карта заморских владений. Иногда мирно: в 1664 году Новые Нидерланды капитулировали перед английской эскадрой из четырех фрегатов (по легенде, Карл II «подарил» долину реки Гудзон своему младшему брату герцогу Йоркскому «на день рождения», и в честь брата короля самое крупное там поселение Новый Амстердам переименовали в Нью-Йорк). Иногда карта менялась после активных военных действий: тяжелые англо-французские битвы за Канаду завершились тем, что 17 сентября 1760 года французы сдали Монреаль англичанам. Иногда в результате купли-продажи: так, Бонапарт за бесценок уступил юным американским штатам огромную территорию Луизианы, на которой ныне расположены полностью или частично еще 14 американских штатов, а сотрясаемая кризисами испанская монархия в 1819 году продала Америке Флориду. Л. Спивак постоянно обнаруживает русский след в истории Америки. Например, некто Лейф Ерикссон, ступивший на землю Америки еще в X веке, до этого служил в дружине норвежского короля Олафа I, который жил в Новгороде и Киеве и, по легенде склонил князя Владимира к крещению Руси. Некоторые историки считают, что Смит, знакомый с донскими крепостями, применил в Новом Свете русский метод быстрого возведения укреплений. До него ни одно из английских поселений, пытавшихся закрепиться на американском берегу, не смогло устоять перед набегами индейцев. В 1717 году во Франции Петр I интересовался бумажными деньгами, посещал Банк Женераль, основанный создателем финансовой пирамиды Джоном Ло, и даже приглашал «великого финансиста» в Россию. Совпали по времени экспедиция под командованием М. Льюиса и У. Кларка к истоку Миссури через Скалистые горы и первая русская кругосветная экспедиция под командованием И. Крузенштерна (1803—1806). Обе исследовали тихоокеанское побережье Северной Америки. Одним из организаторов русской экспедиции был камергер Н. Резанов, известный по сильно приукрашенной истории в мюзикле «Юнона и Авось». Незнакомая Америка в книге Л. Спивака.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)